

УДК 433

Философия «держи вора» в болгарской самоидентификации

Тафаев Геннадий Ильич

Доктор исторических наук, профессор,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
428000, Россия, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38;
e-mail: tafajev@gmail.com

Аннотация

В статье освещаются проблемы, связанные с процессом фальсификации истории древнеболгарской цивилизации в республиках Среднего Поволжья. С 40-50 годов XX века научный мир столкнулся с элементами фальсификации истории. Под влиянием определённых политических сил история искажается и процесс фальсификации, к сожалению, набирает темпы. Подобная фальсификация истории в конечном счёте направлена на подрыв российского единства и развал Российской Федерации.

Ключевые слова

Самоидентификация, философия, цивилизация, древнеболгарская, болгары (булгары), чуваша, татары, Среднее Поволжье.

*О земляки мои! Наверно, все на
свете*

*Я отдал бы сейчас, чтоб вновь
увидеть вас.*

*Черты земли моей, безгреш-
ные, как дети,*

*Не раньте душу мне! Не спря-
тать влажных глаз.*

*Пусть кровь моя текла и с Вис-
лою смешалась —*

*Ведь Адала волна прозрачною
осталась!*

*А если выйдет так, что вас я
не увижу,*

*Родные и друзья и все, кто жив,
кто ждет, —*

*Пусть каждому из нас намного
станет ближе
Печальный голос мой – он с ве-
тром к вам придёт.
Один бы вздох сберёг осенний
горький свет:
За всё спасибо вам, за всё, за
всё – рехмет»*

(П.П. Хузангай)

Введение

В Среднем Поволжье в историко-культурной среде Татарстана с 40-50 гг. XX века сформировалась философия, которую, можно назвать «держи вора». Вор, воруя чужую историю, кричит «держите вора». К сожалению, российская общественность взирает на воровство древнеболгарской (древнечувашской) истории и кивает одобрительно головой.

Теория проблемы

Конечно, имеется Указ Президента России от 2009 г. «О создании комиссии по фальсификации истории». Например, издан сборник «Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов»¹.

¹ Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 7-8.

Считается, что фантазии на историческую тему развивают исключительно дилетанты и далёкие от профессии люди, которые якобы делают это в силу своей слабой образованности и тем самым «искажают» и «извращают» историю. Окружающая нас действительность оказывается, к сожалению, более сложной, ибо тоска по национальной идее не чужда и специалистам, которые иной раз выказывают готовность к нарушению профессиональной этики и даже в отдельных случаях готовы пойти на подлог.

В этих условиях среди профессионалов можно было бы выделить три разные категории. Одни из них живут в национальном мифе и искренне уверены в том, что своим творчеством отстаивают научную истину. Другие понимают, что происходит, но сознательно ставят своё перо на службу национальному мифу в интересах карьеры и других социальных дивидендов. Наконец, третьи пытаются хранить верность профессиональному долгу и либо пытаются бороться за честь профессии, либо уходят в эскапизм, занимаясь частными историческими проблемами, далёкими от сферы текущей политики. Наиболее успешными бывают вторые, которые при всём своём цинизме всегда ока-

зываются в фарватере общественных настроений, а иногда и несколько впереди них. Именно они способны быстро перестроиться вместе с резким изменением социально-политической ситуации, и прежде всего именно среди них обнаруживаются те, кто готов поддерживать распространение фальшивок. Поэтому чтобы преодолеть их влияние, в вузах следует не только обучать будущих историков источниковедению, но и прививать им основы научной этики. Помимо этого, научному сообществу после распада советской идеологизированной системы обществоведения, иерархичной и цементированной отделом науки ЦК КПСС, требуется на новых, демократических началах возрождать ту эфемерную субстанцию, которую можно назвать корпоративной солидарностью. Сейчас, в условиях непреодоленного во всем обществе кризиса доверия, эта задача выглядит достаточно утопичной, но объединение сообщества вокруг нескольких общезначимых проблем вполне реально. Среди таких тем, безусловно, псевдоистория, фальсификация источников, роль исторической науки в современном социуме, вопросы преподавания истории.

Пока же современный мир оказывается в удивительной ситуации,

когда гуманитарные по своей сути вопросы истории всё чаще становятся причиной вполне осязаемых политических проблем. «Войны памяти» обострились, в том числе в результате зашкаливания уровня мифологизации общественного сознания. Упомянутая в первых строках президентская комиссия, несмотря на тревожные ожидания общества, не устроила охоту на ведьм, а сосредоточилась на планомерной работе по документальному опровержению прежде всего одиозных фальсификаций новейшей истории, прямо влияющих на межгосударственные отношения. Это вполне объяснимо с учётом логики подготовки и празднования минувшего в 2010 г. юбилея Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Многочисленные публикации исследований и рассекреченных документов под грифом комиссии не вызывают больших возражений, за исключением законного: а почему же всё это не опубликовали раньше, пока Украина не предъявила счёт за геноцид голодом, пока не обвинили в развязывании Второй мировой войны?²

2 Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 8.

Историки А.Е. Петров и В.А. Шнирельман отмечают, что в поле зрения комиссии оказалась лишь верхушка скрытого под водой тихоокеанского вулкана. Понятно, что всего грандиозного поля не охватишь, а вопросы легитимности мироустройства по итогам последних в хронологическом отношении конфликтов являются самыми актуальными для политиков. Но те процессы, которые по аналогии с вулканологией происходят в глубине вулкана, на стыке с пылающей мантией могут оказаться подлинно взрывоопасными.

Именно поэтому наше внимание прежде направлено вглубь российской истории и территории. Как правило, в регионах происходят процессы, требующие всесторонней и междисциплинарной научной оценки. В этой статье мы разбираем лишь один из маркеров формирования этнократических движений в современной России, связанный с истоками, методикой изготовления, презентации и пропаганды фальшивок, относящихся к идеологическому конструированию прошлого.

Актуальность темы исторических фальшивок состоит ещё и в том, что почти все националистические движения в России и на постсоветском пространстве обзавелись собственны-

ми версиями национальных историй, собственным взглядом на российское прошлое и роль своих предков в мировых процессах. Если сложить вместе все половецкие, украинские, аланские, аркаимо-славянско-арийские, корейские, великобулгарские, адыгские, «мегалионо-казацкие», тюркские и прочие версии истории, то становится очевидным, что человеческая история настолько непродолжительна, а планета Земля так мала, что вместе все эти величайшие в истории цивилизации существовать не могли. Пресловутый Боливар и двоих-то не смог вынести, а тут сразу столько!

Откуда берутся эти величайшие цивилизации древности? И почему мы не знали ничего о них раньше? Конечно, на второй вопрос вам ответят легко и быстро: мол, замалчивали, уничтожали следы и т. д. А вот с первым всё запутаннее. Оказывается, в целом ряде случаев нашлись неизвестные ранее исторические документы, в которых-то как раз великая миссия того или иного народа неожиданно раскрылась. Стоит ли удивляться, что эти новые документы после предъявления их специалистам оказывались подделками?

Хорошо, если фальшивку разоблачили по горячим следам, сразу

после обнародования. Она не успевает войти в массовый оборот и заморочить голову многим ни в чём не повинным людям. Но гораздо чаще происходит наоборот. Сенсационный документ широко распространяется, о нём пишут падкие до сенсаций СМИ, тем самым укореняя его в массовом сознании. Дискредитировать такой проверенный временем «источник» очень трудно. Он становится прочной основой нового национального мифа, так завлекательно возвышающего общее прошлое³.

Проблема фальсификации в республиках Среднего Поволжья

О «Джагфар Тарихы» писали ранее, но вновь приходится говорить о псевдолетописи в связи с «любовью» к ней чувашских краеведов и татарских «булгаристов». Обратимся к работе «Подделки и альтернативная история». Например, В.А. Шнирельман отмечает, что сегодня в российском обществе необоснованно большое значение получает этнорасовая парадигма, причём к ней всё чаще

обращаются российские учёные. С чем это связано? В поздние советские десятилетия наши учёные были увлечены теорией этноса и видели в этносе универсальную организацию, характерную для всего мира. Сегодня целый ряд российских этнологов смотрят на эту концепцию всё более скептически, ибо этнос так и не получил строгого общепризнанного определения, а существующие в разных регионах мира представления об общественной структуре оказались гораздо более многообразными, чем казалось советским этнографам-теоретикам. Выяснилось, что советские представления об этносе основывались на некоторых недоказанных априорных суждениях. В то же время советский миф оказывает своё воздействие на умы и сегодня, и некоторые российские учёные даже готовы признавать этнос «биологической популяцией», что не только не имеет никаких серьёзных оснований, но привносит в нашу науку опасную расовую парадигму. Аналогичная ситуация наблюдается с археологической культурой, аналитической категорией, которой оперируют подавляющее большинство отечественных археологов, молчаливо признавая её связь с этнической общностью. Между тем и это не

3 Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 9.

очевидно, начиная от разногласий по поводу методики выделения археологической культуры и заканчивая интерпретацией выделенных культур, которые вовсе не обязательно имеют этнический характер. Когда-то я пытался познакомить наших археологов с этноархеологией, которая могла бы много дать для усовершенствования методик интерпретации археологических материалов. Однако большинство наших археологов такими методами не заинтересовались⁴.

Все помнят, каким способом была изменена дата основания г. Казани, как удалось протащить через ООН юбилей ордынского, а не болгарского (булгарского) поэта Кул Гали. Многодворовская казанская историческая школа наломала по этногенезу татар, чуваш и т. д. Российский исследователь о такой фальсификации в научном сборнике пишет, что начиная с советского времени в нашей науке неоправданно большое место получили занятия этногенезом. Сегодня очевидно, что это вызывалось не столько научной потребностью, сколько этнофедеральным устройством государства, заставлявшим чиновников на местах

стремиться к наделению своих народов версией самобытной истории, уходящей в глубины тысячелетий. Этот социально-политический заказ на особые версии этнической истории и этногенеза привёл к становлению целых научных областей. Причём добросовестно разрабатывавшие такие задачи учёные в большинстве своём не сознавали, что выполняют политический заказ. Сегодня, когда невооружённым глазом видно, что этногенез оказывается гораздо ближе к политике, чем к науке, немалому числу специалистов трудно расставаться с привычными представлениями. Им комфортнее жить в сложившейся мифе, чем разрабатывать принципиально новые подходы. Пренебрежительное же отношение к выработке чёткого понятийного аппарата и разработке строгих методических приёмов способствует тому, что граница между наукой и псевдонаукой размывается. Ведь если мы обратимся к целому ряду наших научных понятий и методических процедур, то заметим, что они основываются на условных допущениях и априорных предположениях, которые сами ещё нуждаются в проверке. Но именно такими понятиями и процедурами с благодарностью пользуются те, кого наши специалисты с гневом

4 Шнирельман В.А. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 20.

называют «дилетантами», упрекая их в «извращении истории»⁵.

Чувашская и татарская история стала искажаться со стороны татарских учёных, а власть в Татарстане ускорила процесс изъятия у чувашей их истории. Искажения коснулись не только истории народов Среднего Поволжья. Например, «лжелетопись» Джагфара замахнулась на истории Украины, Болгарии, Германии, России.

А.Е. Петров в статье «Необулгарская идея и легитимизация поддельного свода Джагфара» указывает на искажения истории Руси. Впрочем, настолько ли «свежа» эта трактовка? В 1864 г. в «Календаре» Академии наук была опубликована статья Н.И. Костомарова «Куликовская битва», послужившая началом бурной научной дискуссии, перипетии которой оживлённо обсуждались просвещённым обществом. У Костомарова получилось, что Дмитрий Донской, «как показывают все дела его, не отличался пылкой отвагой». Вывод был обоснован оригинально истолкованными «летописными» фрагментами. Н.И. Костомаров объяснил обмен доспе-

хами с Михаилом Бренком желанием князя избежать опасности, «неразлучной с положением великого князя, особенно под великокняжеским знаменем, которое издавна привлекало удары врагов», «иной причины быть не могло». Но яростный гнев оппонентов вызвало его резюме: «Но, кажется, что Дмитрий нарядил своего боярина великим князем с тою именно целью, чтобы сохранить себя от гибели и ещё более от плена...»! Следуя за текстом одной из позднейших редакций «Сказания о Мамаевом побоище» (Киприановской), помещённой в Никоновской летописи, Н.И. Костомаров следующим образом изобразил поведение Дмитрия в битве: «Великого князя между простыми воинами сбили с коня, он сел на другого коня; но бросились на него четверо татар, сбили с коня, погнались за ним. Князь Новосильский оборонял его, Дмитрий почувствовал на своих доспехах несколько ударов, побежал в лес, запрятался под срубленное дерево и там улёгся чуть не без чувств».

Вероятно, Н.И. Костомаров сознательно эпатировал учёную публику и понимал, какая последует реакция вслед за его публикацией. В автобиографии он написал: «Дело было в том, что я, руководствуясь источниками,

5 Шнирельман В.А. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 20-21.

указал на такие черты в личности Дмитрия Донского, которые противоречили сложившемуся о нём и ставшему как бы казённым мнению как о доблестном и храбром герое княжеских времён. Против меня поднялась целая буря патриотического негодования».

Уже прославившийся ранее непатриотичными выводами в отношении личности Ивана Сусанина, Костомаров вновь навлёк на себя обвинения в недостатке патриотизма и в злонамеренности его методики освещения важнейших событий русской истории. Историк воплотил в этом исследовании собственное кредо: никто не лишён недостатков, люди – существа противоречивые, и право историка изображать их личности во всей совокупности черт характеров, невзирая на то, кем были эти личности для современников и потомков.

Важнейший свой методологический принцип Костомаров охарактеризовал так: «В важных исторических событиях иногда надобно различать две стороны: объективную и субъективную. Первая составляет действительность, тот вид, в каком событие происходило в своё время; вторая – тот вид, в каком событие запечатлелось в памяти потомства. И то и другое имеет значение историче-

ской истины: нередко последнее важнее первого. Так же и исторические лица у потомков принимают образ совсем иной жизни, какой имели у современников. Их подвигам даётся гораздо большее значение, их качества идеализируются: у них предполагают побуждения, каких они, быть может, не имели вовсе или имели в гораздо меньшей степени. Последующие поколения избирают их типами известных понятий и стремлений»⁶.

Конечно, часть татарских исследователей понимают, что многое фальсифицируется. К примеру, ведущий историк Дамир Исхаков указывает, что в статье М.З. Закиева «Кем пишется татарская история и как», опубликованной под рубрикой «Дискуссионный клуб», обсуждение начинается со ссылки на материалы «Аналитического центра» журнала «Идел» и делается замечание о том, что его участники – это те, кто из-за «амбиций мешает скромным и деловым учёным» писать «Историю татарского народа». При этом автор публикаций обещает раскрыть тайны «этой суеты» и показать, на кого работают его организаторы.

6 Петров А.Е. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – С. 290-291.

По мнению академика, главными недостатками планируемого труда были: а) татары рассматривались в Волго-Уральском регионе «как пришельцы» (из-за того что скифы и их потомки считались индоевропейцами); б) Золотая Орда и татарская диаспора в нем отсутствовали. Если даже последнее утверждение частично и верно (всё-таки речь идёт о начале 1980-х гг.), то заголовок книги предполагал отход от «Истории ТАССР», что было тогда важнее всего. Однако М.З. Закиев утверждает, что в 1988 г. совместно с отделом истории ИЯЛИ они предположили «новую концепцию истории татар», работа по которой и началась с этого времени; она выльется, – говорил он, – в книгу «Материалы по истории татарского народа», которая вскоре выйдет» (похоже, что речь идёт об одноимённом сборнике, который к маю 1996 г. ещё не был издан, но затем появился с датировкой «1995 г.», хотя к печати сборник был подписан в самом конце 1995 г.).

Далее директор ИЯЛИ живописует огромную работу историков республики и других привлечённых к этому делу учёных по подготовке «материалов» к написанию истории татар, которая видится ему четырёхтомной (видимо, в основе серии все

же лежала «История ТАССР» в 4-х томах). К принципам подготовки такого труда он подошёл не сразу, но всё-таки подошёл и заявил: «Насколько глубоко уходит история народа, настолько далеко в будущее можно обозначить его перспективу». Такой подход позволил ему прорисовать конкретно основные контуры будущего труда по истории татар. Во-первых, это приоритет «булгаро-татарской» теории, основателем которой он совершенно безосновательно определил Шигабутдина Марджани. Во-вторых, признание преобладания среди скифов тюрков и восхождение предков татар – булгар через ряд звеньев (хазары, тюрки, савиры, гунны, сарматы) к ним. В-третьих, это отрицание роли Золотой Орды и значения этнических процессов, там происходивших, в этнической истории татарского народа. В-четвёртых, обоснование существования в Волго-Уральском регионе до Булгарского государства легендарной «Биармии» – другого «тюркского государства».

По мнению М.З. Закиева, при формулировании теоретических основ национальной истории надо принять во внимание существование двух взглядов на этноним «татар». Первый – это взгляд оппонентов академи-

ка, которые выводят татар от «татар» VI в., живших в Центральной Азии, и «протягивают» их затем до основного периода Золотой Орды и татарских ханств. Второй взгляд – это подход сторонников академика М.З. Закиева, по мнению которого татарская нация сложилась в XIX в., а народ, лёгший в её основу, образовался в XV-XVI вв. в результате слияния разных компонентов. Однако этнонима «татары» М.З. Закиев не принимал. «Татары, – утверждал исследователь, – есть народ, возникший «на основе местных тюрок и финно-угров», а те татары, которые пришли с войсками Чингисидов, «растворились из-за того, что их было мало, среди местных тюрок, основным этнонимом которых было наименование «булгар».

М.З. Закиев пишет, что он не против включения истории Золотой Орды в национальную историю, он против другого – считать золотоордынский этап «временем формирования татар». Последнее, кстати, находит весьма интересное выражение в его собственном рассказе о том, почему он выступил против учебника Р.Г. Фахрутдинова по истории татарского народа: «Татарские дети, прочитав этот учебник, как и дети татар, обучающиеся в русских школах, могли

бы думать, что они... происходят от татаро-монгольских... завоевателей», в результате они бы сказали, что «не хотят быть татаро-монголами». Тут хорошо видно то, о чем предупреждал писатель Дж. Рахимов: «... идея булгарства позволила нам оправдаться перед русскими – ... мы булгары, знать не знаем Золотую Орду, стало быть, дорогой русский брат, я твой друг, никогда не причинял вреда русским...».

Истоки проблемы в Чувашии

Чувашские исследователи крайне озабочены такой ситуацией «держи вора», когда у чувашей отобрали их историю (В.Д. Димитриев, Г.И. Тафаев, Юхма Мишши). Профессор В.Д. Димитриев об ассимиляции болгаро-чуваши (в чувашской исторической науке употребляется термин «болгар») со стороны татаро-кыпчаков пишет так: «... на межевание и отводе были в свидетелях старожилы чувашские крестьяне дд. Арабозей и Шигалей Симбирского, дд. Шоры и Баишево Казанского уездов. Следовательно, чувашаи Галицкой «дороги» Казанского уезда, переселившиеся на территорию Чувашии в XVI – первой половине XVII вв., сохранили свою этническую принадлежность.

Данные об основании переселенцами-чуваши Казанского уезда упомянутой деревни Матаково в 1625 г., деревень Кильня, Кубня, Сугуты, Тойси, Ендобы, Баишево (ныне Балабаш-Баишево), Шерауты, Ишля (Бахтигильдино), Кочаково на р. Кубне были приведены в нашей статье, опубликованной в 1956 г.

Многие из чувашских селений правобережья Волги, основанных переселенцами из Казанского уезда, продолжали вплоть до 1781 г. числиться в Казанском же уезде. Правда, с образованием в середине XVII в. нового, Симбирского уезда большинство селений, основанных на бывшем «диком поле» переселенцами из Казанского, Свияжского, Чебоксарского, Кокшайского и Цивильского уездов, вошло в состав Симбирского уезда. Так, по документам третьей четверти XVIII в. на территории Чувашии значатся такие чувашские селения Казанского уезда: Горной стороны дер. Урум, Ногайской «дороги» Горной стороны дер. Старое Бишево, Арской «дороги» Нагорной стороны Муслюмковой сотни дер. Сорма, а также дд. Большие Шигали, Старые Шигали, Галицкой «дороги» дер. Сатышево, Горной стороны дер. Атнашево («а по чуваскому званию Нур-гечь»), дд. Мотакры, Ивашкино,

Мамышево и др. В 1781 г. такие селения были переданы в образованные в новых границах уезды: дд. Атлашево и Сатышево – в Чебоксарский, дер. Мамышево – в Козьмодемьянский, дер. Хирбоси на речке Санарке – в Ядринский, дд. Старые Шигали, Шигали, Ближняя Сорма, Дальняя Сорма, Атнашево, Нижние Уты Яндоба тож, Татмыш Якутля (Хозансиль), Верхние Уты (Вотабусь), Топси Паразусь, Урмаево, Полевое Байбахтино – в Цивильский. Многие чувашские селения, входившие в Тетюшский уезд Казанской губернии и Буинский и другие уезды Симбирской губернии, были заложены переселенцами из Казанского уезда. В частности, к таким в Буинском уезде относились дд. Баишево, Елдаба, Ивашкино, Ишля Шармусь, Тойси, Убеево, Юндаба.

Большое количество чувашей из Приказанья и Заказанья в конце XVI-XVII вв. вернулось в Закамье и основало здесь много селений. Такие деревни Закамья, как Нижние Имения, Камышлы, Каска (Бюляр Тюбяк тож), Студеный Ключ, Савруши, Нижние Савруши Михидерево тож, Ивашкина Тойгуза, Гандубино, Калмыкове Ильмовый Куст тож, Новое Ильмовое, Новый Адам, Верхняя Майна, Киреметь Тридцать дубов тож

и др. в 1716 г. состояли в Зюрейской (бывшей Чувашской) «дороге» Казанской губернии, хотя другие селения Закамья входили в Ногайскую «дорогу». По данным третьей четверти XVIII в., в Зюрейской «дороге» числились следующие чувашские деревни Закамья: Саволей, Акташ (Окташ), Нижний Акташ, Шумыш, Новый Шумыш, Явушево, Токташи, Верхние и Нижние Савруши, Нижние Кадраты, Ишалкино, Никуткино, Нижняя Мака, Батрас тож, Савантеево, Чайгутлы, Курки. Вероятно, все указанные деревни были основаны переселенцами из Зюрейской «дороги» Заказанья. В Закамье же находилась чувашская деревня Морки Галицкой «дороги». По-видимому, здесь были чувашские селения, основанные и переселенцами из Арской «дороги». Большинство чувашских селений Закамья числилось в Ногайской «дороге». Среди них, несомненно, были деревни, основанные чувашами, переселившимися не только с правобережья Волги, но и с предкамской части Ногайской «дороги» — с территории, расположенной южнее Казани, где в XVI в. было немало чувашских деревень. Возможно, приказанские чуваша переселялись в XVII в. не только в Закамье, но и в Башкирию. Во время комплексных экспеди-

ций ЧНИИ 1961—1962 гг. в некоторых чувашских селениях как Закамья, так и Башкирии местные жители рассказывали нам предания о том, что их предки пришли из района Казани.

Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев заявляют, что в письменных источниках Казанского и Свияжского уездов второй половины XVI — первой половины XVII вв. термин «чуваш» имел не этническое, а социальное значение, обозначая ясачного человека, что «под словом «чуваша» надо разуместь ясачных татар. Е.И. Чернышев ряд чувашских селений Свияжского уезда 1565-1568 гг., являющихся и ныне чувашскими, объявил татарскими. Такое объяснение нельзя признать соответствующим действительности. В писцовых, дозорных книгах и других источниках Казанского уезда второй половины XVI — первой половины XVII вв. отмечаются, наряду с ясачными чувашами, ясачные черемиса (марийцы) и ясачные вотяки (удмурты), в XVII в. — и ясачные татары. В Казанском ханстве ясак платили только подчинённые народы, татары не являлись ясачными. И после присоединения ханства в России до XVII в. из татар ясачных людей не было. Если чуваш — социальный термин, то почему же были ясачные черемиса и

вотяки, затем и татары? Приведённые факты о переселении чувашей Казанского уезда на правобережье Волги и в Закамье, где они основывали чувашские селения и оставались чувашами, также говорят о том, что чувашаи Казанского уезда были чувашами именно этнически.

Не подлежит также сомнению, что большинство чувашей Приказанья и Заказанья, приняв ислам, в XV-XVII вв. вошло в состав татар.

В XVI в. правобережные чувашаи делились, по-видимому, на две этнографические группы: в северо-восточной Чувашии – верховые, в центральной Чувашии – низовые (ныне там средненизовые). Низовые чувашаи в большей чистоте сохранили этнические черты болгаро-чувашей, а в культуре верховых заметно выступали следы марийского компонента (субстрата). В XVII-XVIII вв. в юго-восточной и южной частях Чувашии, в Закамье и Башкирии формируется этнографическая группа низовых чувашей в современном понимании. В формировании этой группы, по нашему мнению, значительную роль сыграли чувашаи Приказанья и Заказанья (выше приводился пример из архивного источника XVII в. об укающем говоре чувашей, переселившихся из

Галицкой «дороги» Казанского уезда). Возможно, на формирование этнографических черт низовых чувашей некоторое влияние оказали мишари и казанские татары.

Болгаро-чувашаи в XIII-XIV вв. проникли и на среднюю Вятку. В Вятской земле Русского государства, в Слободском уезде на Чепце чувашаи упоминаются в начале XVI в. В грамоте московского великого князя Василия III наместнику г. Слободского Г.Ф. Мансурову от 29 июня 1522 г. указывается, что в городе и уезде живут, наряду с русскими, каринские князья, чувашаи и вотяки (удмурты). В других актовых источниках XVI – первой половины XVII вв. содержится много сведений о чувашах на р. Чепце, часто одновременно именуемых бесермянами (иногда в форме «чуваша с бесермянами»). На р. Чепце, в селении Гурия-Кала, обнаружен болгарский надгробный памятник 1323 г., содержащий в эпитафии чувашские слова. До сегодняшних дней на р. Чепце живут бесермяне, говорящие на удмуртском языке. В их материальной (в частности, в одежде, головных уборах женщин) и духовной (в свадебных и других обрядах, обычаях) культуре сохранились элементы, характерные только для чувашей.

Массового переселения болгаро-чувашей с левобережья на правобережье Волги в XIII-XIV вв. не учитывает, подобно А.Х. Халикову и Р.Г. Фахрутдинову, и археолог Ю.А. Краснов. И ему свойственен автохтонный подход к использованию памятников материальной культуры в решении вопросов этногенеза. Учитывая, что археологические памятники I – начала II тысячелетия н. э. на территории Чувашии преимущественно восточнофинские, он предполагает, что «численность тюркского компонента в процессе формирования чувашского этноса не была велика». Усвоение аборигенами болгарского языка он объясняет, со ссылкой на современные языковые процессы, политическим господством болгар и отсутствием письменности у местного восточнофинского населения. На этногенетические явления 600-800-летней давности нельзя распространять закономерности языковых процессов советской эпохи. В первой половине II тысячелетия, в условиях отсутствия массовых средств коммуникации, этническая ассимиляция могла происходить лишь путём брачных связей и совместного обитания представителей разных этносов в одном поселении или ограниченном районе, ввиду чего

предположение о малочисленности в составе чувашей болгар, ассимилировавших восточнофинское население, не может быть признано обоснованным.

Археологические свидетельства о хозяйстве, орудиях труда, жилищах и постройках и других элементах материальной культуры волжских болгар X – начала XIII вв. во многом находят соответствия в материальной культуре чувашей XVI-XIX вв. Так чувашский плуг агабусь с железным лемехом и резцом полностью соответствует болгарскому плугу, обнаруженному при археологических раскопках. Зерновые культуры болгар продолжают возделывать и чуваша. Как и чувашские селения, болгарские поселения располагались вблизи рек, в низинах, имели круговую, радиальную планировку, патронимические гнезда. Наблюдается сходство в планировке болгарских и чувашских дворов, усадеб. Прототипом чувашских жилищ – четырехстенных срубов с дверью на восток – был болгарский квадратный дом-сруб с глинобитной печью. Сходство между болгарскими и чувашскими прослеживается также в устройстве глинобитных домов, летних шалашей – лачуг (лась) и пр.

Особенно характерно сходство одежды, головных уборов и украшений волжских болгар и чувашей, выявленное Н.И. Гаген-Торн, В.Н. Белицер, П.В. Денисовым путём изучения письменных свидетельств о болгарской одежде и анализа чувашско-бесермянских параллелей в этой области. У бесермян, образовавшихся от болгаро-чувашей, покроем одежды, вышивки, головные уборы близки к чувашским. Идентичность старинных женских головных уборов (тухъя – такья, хушпу – кашбау, сурпан – тастар) и многое другое у чувашей и башкир также имеет общую болгарскую основу. Для болгар и чувашей характерен верёвочный орнамент. Большое сходство мотивов и композиции орнамента вышивок чувашей, мордвы, марийцев, башкир, бесермян, дунайских болгар и ряда других народов восходит к североиранской основе. Этот орнамент был воспринят и разработан болгарями ещё до прибытия на Среднюю Волгу, в те далёкие времена, когда они контактировали с североиранцами, а в Волго-Камье был распространён ими на соседние народы.

Невозможно согласиться с перенесением кыпчакско-татарского орнамента золотоордынского, казанского или даже более поздних периодов к

домонгольской болгарской культуре. Д.К. Валеева найденные в Биляре находки с узорами относит к X – началу XIII вв. В их число могли включаться и находки по XIV в. (о датировке билярских памятников нами было уже сказано). В этих находках абсолютно преобладают мотивы языческого орнамента, а не мусульманского.

Примечательно следующее заключение Р. Г. Кузеева: «Аналогии в древних пластах культуры башкир и чувашей также указывают на роль болгар в этнической истории башкирского народа, так как чуваша в большей степени, чем другие поволжские народы, сохранили болгарскую архаику. Установлены, в частности, параллели в орнаментации дерева (солярный орнамент, верёвочная рельефная резьба, оформление ковшей), в старинных счётных вышивках с узорами противостоящих птиц (или животных) и т.д... Некоторые наиболее ранние виды башкирских женских головных уборов (кашбау) и украшений также восходят к болгаро-чувашской основе».

М.З. Закиев в подтверждение своей гипотезы о том, что казанские татары являются единственными прямыми потомками болгар, приводит и такой аргумент: ислам от болгар перешел к татарам, чуваша не были му-

сультманами. Е.А. Халикова утверждает, что к рубежу X-XI вв. в Волжской Болгарии не только городское, но и сельское болгарское население левобережья и правобережья Волги было полностью исламизировано, что позже начала XI в. нет «ни одного собственно болгарского языческого кладбища». Такое утверждение можно объяснить лишь желанием видеть всех болгар в X в. мусульманами. Это хорошо показал Б.В. Каховский, который, проанализировав множество фактов, пришёл к выводу, что языческий погребальный обряд и языческие верования сохранялись у массы болгарского населения вплоть до рубежа XIV-XV вв. Известно, что принятие христианства русскими крестьянами затянулось на четыре столетия. Так же медленно шло распространение ислама в Волжской Болгарии. В X-XIII вв. ислам исповедовала лишь болгарская верхушка и часть горожан, масса населения оставалась в древней языческой вере. Венгерский монах Юлиан, побывавший в Волжской Болгарии в 1236 г., писал, что все болгары – язычники. Возможно, он несколько преувеличивал. Не подлежит сомнению, что исламизация кыпчаков-татар, части болгаро-чувашей и угрофиннов, впоследствии отатаренных, началась при хане Берке (1256-1265

гг.) и интенсивно проводилась в правление хана Узбека (1312-1340 гг.), завершилась в основном в XV в. Известно также, что «распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV-XV вв.». Процесс исламизации татарского населения Среднего Поволжья продолжался и в XVI-XVII вв., и позже. С.П. Толстов подчёркивал, что «очень многое из того, что сейчас создаёт специфический оттенок культуры казанских татар, резко отличающий их от чувашей, сложилось совсем недавно», с XIX в., «когда между татарским народом и среднеазиатскими народами создаются очень тесные экономические отношения, вносится новый пласт среднеазиатского влияния». Болгаро-чуваши, участвовавшие в формировании чувашской народности в XIII—начале XVI вв., были язычниками, в основном сельскими жителями, находившимися в стороне от кыпчакско-мусульманской ассимиляции.

В этнографическом исследовании о татарах Среднего Поволжья и Приуралья проделана очень ценная работа – выявлены древние, доисламские элементы материальной и духовной культуры татар. Многие из этих элементов не только по содержанию, по существу, но и по названию совпа-

дают с чувашскими, сохранившимися до настоящего времени. Р.Г. Ахметьевым выявлено очень много общего в духовной культуре – мифологии, календарных, свадебных и семейных обрядах, фольклоре – марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей, татар и башкир, что свидетельствует об их этнокультурных связях.

Особенно много общего было в быту и культуре татар-кряшен и чувашей. Отмеченные аналогии в пережитках культуры татар и чувашей свидетельствуют о том, что в этническом составе казанских татар значительный компонент составили омусульманившиеся болгаро-чуваши. Этнографам, как и археологам, следовало бы исследовать обстоятельнее кыпчакский компонент как основной в этническом составе, культуре и быте татар, роль арабской и среднеазиатской мусульманской культуры в формировании культуры казанских татар.

М.З. Закиев заявляет: «Если бы предки современных чувашей имели какое-то отношение к булгарам, то они обязательно унаследовали бы у них государственность. Нет оснований предполагать, что предки современного чувашского народа в общественном развитии когда-то поднялись, до уровня создания государства... У предков

чувашей не было государственности, и они к булгарам не имели этногенетического отношения. Булгарское государство переросло в Казанское, казанские татары свою государственность унаследовали от болгар».

Наличие древних терминов государственной номенклатуры в чувашском языке и заимствование этих терминов марийским и удмуртским языками до XIV в. свидетельствуют о том, что государственная жизнь в Волжской Болгарии X-XIII вв. осуществлялась на древнечувашском языке, что предки чувашей имели свою государственность. Об этом же говорят многочисленные чувашские исторические предания о чувашских царях, вельможах, чиновниках и др. Как уже указывалось, в 1236 г. Болгарское государство было разгромлено монголо-татарскими феодалами и перестало существовать, его территория вошла в Золотую Орду как Болгарский улус. Казанское ханство не являлось продолжением Болгарского государства, оно откололось от Золотой Орды. Нет оснований третировать чувашей за то, что они после гибели Болгарского государства вплоть до Великого Октября не смогли создать своей государственности⁷.

7 Болгары и чуваши. – Чебоксары, 1984. – С. 41-46.

Заключение

1. Философия «держи вора» в Татарстане победила.

2. Чувашская (древнеболгарская) история, невзирая на понимание проблемы, закрепилась за татарами-болгарами.

3. Вероятнее всего через 10-15 лет по мере ассимиляции чувашей у последних будут полностью изъяты рунический орнамент, руническое письмо, болгаро-чувашская одежда, музыка, традиции. Например когда говорят об одежде крещёных татар, то имеется утверждение, что, мол, в прошлые века чувашскую одежду им одевали насильно.

4. Философия «держи вора» окончательно победит в 20-40 гг. XXI века.

Библиография

1. Болгары и чувашаи. – Чебоксары, 1984. – 134 с.
2. Петров А.Е. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – 381 с.
3. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – 381 с.
4. Шнирельман В.А. Фальсификация исторических источников и этнократических мифов. – М., 2011. – 381 с.

The philosophy of "Stop thief" in Bulgarian self-identification

Tafaev Gennadii Il'ich

Full Doctor of Historical Sciences, professor,
I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
P.O. Box 428000, K.Marksa str., No. 38, Cheboksary, Russia;
e-mail: tafajev@gmail.com

Abstract

It is believed that in historical fantasies are evolved only by laymen and distant from education people who are supposedly doing it because of their poor education and thus "distorting" and "sophisticating" history. The surrounding reality is

unfortunately more difficult, because the longing for the national idea is not alien and specialists, who sometimes evince a willingness to violate professional ethics and even in some cases to make a forgery.

The article enlightens the problems associated with the process of falsification of history of the Old Bulgarian civilization in the Republics of the Middle Volga region. From the 40-50 years of the XX century the scientific world has faced with the elements of falsification of history. The philosophy formed can be called "stop thief". A thief, stealing someone else's history, shouts "Stop thief". The Russian public regards to steal Old Bulgarian (Old Chuvash) history and nods head approvingly. Under the influence of certain political forces history is becoming distorted and unfortunately the process of falsification is gathering momentum. Such falsification of history is ultimately aimed at undermining Russia's unity and the collapse of the Russian Federation.

Keywords

Identity, philosophy, civilization, Old Bulgarian (Old Bulgarian), Bulgarians (Bulgars), Chuvash, Tatars, the Middle Volga.

References

1. *Bulgarian and Chuvash [Bolgary i chuvashi]*, Cheboksary, 1984, 134 p.
2. *Falsification of historical sources and ethnocratic myths [Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i etnokraticeskikh mifov]*, Moscow, 2011, 381 p.
3. Petrov, A.E. (2011), *Falsification of historical sources and ethnocratic myths [Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i etnokraticeskikh mifov]*, Moscow, 381 p.
4. Shnirel'man, V.A. (2011), *Falsification of historical sources and ethnocratic myths [Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i etnokraticeskikh mifov]*, Moscow, 381 p.